

«Почему из всех ролей я должна была перевоплотиться именно в эту?»

Это была обыденная жизнь без каких-либо признаков даже небольшого пути к отступлению. Жалкое существование, которое продолжалось день за днем, не в силах умереть.

Сначала Хе Ен была взволнована своей ситуацией, ведь она с радостью обнаружила, что перевоплотилась в то, что казалось сказочным романом в жанре фэнтези.

Однако эта радость длилась не более нескольких секунд. Это было потому, что она поняла, что перевоплотилась в безнравственную императрицу-злодейку, благодаря испуганным крикам дрожащих служанок.

Источник всего зла и поистине худший из злодеев, которому нет места для оправданий. В конце концов, ей было суждено встретить жалкую участь от рук героини, как и любому типичному антагонисту.

«Ни за что!! Неужели после перевоплощения в романтический фэнтезийный роман я не получу ничего, кроме оскорблений и жалкой смерти? Ни в коем случае!»

Хе Ен приняла решение.

Она была полна решимости спасти Эрмеделину, безнравственную императрицу и злую ведьму, в которую она перевоплотилась, от трагического конца и жить комфортной жизнью!

Сколько бы раз она ни смотрела на неё, ей никогда не надоедала её красота. Её длинные распущенные волосы, казалось, расстилались подобно ночному небу, а загадочные глаза были похожи на прозрачные кристаллы. Добавьте к этому её безупречную кожу, стройный рост и пышные формы, и это выходила та сногшибательная красота, которую можно увидеть только на экране телевизора.

«Каким бы стратегическим ни был брак, кто бы не влюбился в такую женщину?»

Возможно, она так и говорила, но, по правде говоря, это не похоже на то, что она не понимала чувств Генриха в оригинальной истории.

В оригинальной работе Эрмеделина была одержима положением императрицы и принудила к стратегическому браку Генриха. Она даже зашла так далеко, что стала мучить Вальер, первую любовь Генриха, и строить козни против неё. Более того, разве она в конечном счёте не получила смертный приговор из-за отвратительных преступлений, которые она совершила, используя свои проклятые магические способности, преступлений, слишком ужасных, чтобы даже упоминать о них?

Только в описаниях внутри романа она вызвала чуму, опустошившую столицу, использовала

проклятия, чтобы убивать людей, и накладывала проклятия разложения, которые заставляли тела людей разлагаться, на тех, кто ей не нравился, и так далее. Её злодейство явно перешло все границы.

«Действительно, я бы тоже не хотела, чтобы кто-то вроде неё, нет, кто-то вроде этого, прошёл мимо меня».

Ещё до того, как стать императрицей, она злоупотребляла своим положением дворянки и своими ведьмовскими способностями, совершая всевозможные подозрительные поступки.

Преступления, которые позже будут раскрыты после её смерти, включают растрату государственных средств, интрижки со всеми красивыми мужчинами столицы и даже принесение в жертву человеческого младенца, чтобы обеспечить успех её проклятия.

Почему она должна была вести себя так экстравагантно, даже став императрицей, и всё из-за своей одержимости этим положением? Масштаб её проступка был огромен, он выходил далеко за рамки простой ревности к Вальер, которая приняла сторону Генриха.

На первый взгляд казалось, что она хочет потопить всю королевскую семью, так сказать.

Хе Ен с горечью посмотрела на свои длинные, девственно белые руки. Даже на белоснежных пальцах Эрмеделины, украшенных изысканными рубинами и сапфирами, казалось, были несмываемые пятна крови, которые уже застыли и их невозможно было стереть.

«Этими руками она совершила множество преступлений. Из-за бесчисленных улик, которые она оставила после себя, потому что не могла себя контролировать, в конце концов, ей вынесли смертный приговор. Это, как если бы она зажгла свой погребальный костер для казни своими же прекрасными руками».

Однако Хе Ен не собиралась умирать из-за преступлений, которых она не совершала.

«Нет. Ещё есть время всё изменить! Давайте выплатим пострадавшим как можно больше компенсаций. Восстановим репутацию безнравственной императрицы. Как только я избежу смертного приговора, давайте пожелаем героине и герою счастливой жизни и скорого развода. А после проживём оставшиеся нам годы тихо и мирно в далекой чужой стране!»

К счастью, та часть истории, в которую перевоплотился Хе Ен, была на самых ранних стадиях романа. Они как раз подошли к тому моменту, когда Эрмеделина и героиня Вальер начали враждовать.

Другими словами, это означало, что серьезные преступления, которые оставили бы веские улики и помешали Эрмеделине, ещё не начались.

«Я могу это сделать!! Я заставлю их обоих счастливо жить во дворце вместо того, чтобы умереть! Я, Юн Хе Ен, честно разведусь и сбегу отсюда!!»

- В-вы хотите сказать, что сделаете пожертвование?

Выражения лиц мужа Эрмеделины, императора Генриха, а также его любовницы Вальер заметно ожесточились.

- Да. Я намерена использовать оставшийся бюджет, выделенный мне в этом году, для оказания помощи в сдерживании недавней вспышки чумы.

Обычно румяные щеки Вальер побледнели от заявления Эрмеделины.

- С чего такая внезапная перемена в настроении?

Судя по выражениям лиц Генриха и Вальер, было ясно, что эта ситуация действительно была им незнакома. Подозрение было брошено на Эрмеделину как на тайную зачинщицу эпидемии, и теперь она внезапно появилась, заявив о своем намерении использовать свои финансы для оказания помощи людям.

Независимо от их реакции, Эрмеделина торопилась. Она просто хотела как можно скорее восстановить свою репутацию и уйти от навязчивой сцены казни из оригинального романа, которая постоянно возвращалась к ней.

В оригинальном романе был печально известный инцидент с «Проклятием императрицы», когда ходили слухи, что Эрмеделина, используя своё проклятие, распространила эпидемию, чтобы оказать давление на Генриха. Это значительно запятнало репутацию императрицы, но это было событие, произошедшее в самом начале истории, и до сих пор оно не вызывало никаких серьезных проблем.

До сих пор это служило лишь поводом для того, чтобы Генрих и его любовница, которые просто сдерживали императрицу, стали откровенно враждебно относиться к ней. Поскольку не было никаких конкретных доказательств, это не было включено в обвинения, которые позже привели бы к её казни.

Поэтому Эрмеделина восприняла эту ситуацию как возможность всё изменить.

- Я... Это так? Вы сказали, что сделаете пожертвование?

На мгновение выражение замешательства промелькнуло на величественном лице Генриха.

– Разумеется. Разве это не естественный долг новоиспеченной императрицы – помогать страдающим жителям столицы во время этой эпидемии?

Императрица подумала про себя: «Да, для него вполне естественно быть сбитым с толку. В конце концов, Эрмелина, которую вы знаете, не такой персонаж, как я сейчас».

В романе Генрих, главный герой мужского пола, которым была так одержима антагонистка Эрмелина, был мужчиной с торжественной, но утонченной красотой, напоминающей классический шедевр. У него были блестящие золотисто-русые волосы, которые не шли ни в какое сравнение с иллюстрациями в романе. Под этими ярко-золотистыми волосами скрывалась линия подбородка, такая острая, что ею можно было резать стекло.

Термин «красивый блондин с линией подбородка, за которую можно умереть» идеально подходил ему. Он действительно был прекрасным принцем, почти как королевич из сна.

Несмотря на то, что прошло уже три дня с тех пор, как она перевоплотилась в этот роман, Хе Эн, или, скорее, Эрмелина, всё ещё не могла не удивляться каждый раз, когда сталкивалась с ним лицом к лицу.

«Он действительно потрясающе красив. Но это не оправдывает одержимости Эрмелины им».

– С каких это пор вы стали заботиться о том, чтобы должным образом выполнять свою роль? Разве вас не интересовали исключительно привилегии, которые дает этот статус? – в голосе Генриха отчетливо слышалась насмешка.

На мгновение Хе Эн захотелось возразить и высказать ему всё, что она думает, но она быстро поняла, что находится внутри печально известной злодейки Эрмелины. Поэтому она просто покорно кивнула головой.

– Да. Вы правы. Я действительно наслаждаюсь богатством и почётом, которые сопутствуют положению императрицы. Но это не значит, что нет закона, который запрещал бы мне выполнять свои обязанности, не так ли?

Несмотря на то, что Генрих ответил как можно более дерзко и хладнокровно, по выражению его лица было ясно, что он видит её насквозь.

– Теперь вы это говорите?

Эрмелина была императрицей в течение двух лет. Император, у которого с юности была любимая любовница, никогда не заходил в спальню императрицы.

Императрица, которая принудила его жениться, действительно была увлечена им, но у неё не было намерения угождать его прихотям. Эрмелина была слишком горда, чтобы изменить свою личность только из-за своей одержимости положением императрицы.

В результате за последние два года она совершила все возможные злодеяния, которые только могла совершить злая императрица.

Используя дарованные ей силы в полной мере и опираясь на свой авторитет самым негативным образом из возможных, Эрмелина безудержно использовала свои способности ведьмы, запятнав собственную репутацию и наживая врагов попутно.

Независимо от того, как сильно император пытался остановить её и время от времени бросал в её сторону презрительные взгляды, Эрмелина оставалась невозмутимой. Она зашла так далеко, что превратила всех вокруг себя во врагов, и все её злодеяния были разоблачены, что привело к запечатыванию её ведьмовских способностей.

В конце концов, даже её собственное семейство, престижный дом Франсуазы, без колебаний покинули её.

«Я должна быть уверена, что никого не удивлю внезапной переменой в характере, ровно настолько, чтобы спасти свою репутацию, – подумала Эрмелина с нарочитым высокомерием, слегка вздернув подбородок. – У меня всё хорошо получается? Мне следовало хотя бы раз в жизни напустить на себя высокомерный вид».

– Я – суверенное присутствие Тривианской империи, не так ли? Я могу оказать небольшую услугу незначительным субъектам.

«Суверенное присутствие». Титул, который Эрмелина часто использовала для обозначения самой себя, несмотря на явное присутствие императора в качестве верховного правителя. В романе это был один из приёмов, демонстрирующих её высокомерие.

«Надеюсь, это кажется достаточно естественным», – подумала про себя Эрмелина.

Она медленно взглянула на Генриха, пытаясь оценить его реакцию. К счастью, похоже, её актерская игра сработала, так как на его лице отразился только дискомфорт, но не более того.

– Ваша воля действительно такова...

– Нет, этого не может быть.

– Хм?

Внезапно из-за спины Генриха раздался голос его любовницы Вальер, которая стояла как тень.

– Этого не может быть? – Эрмеделина не смогла удержаться от выражения удивления, хотя и не собиралась этого делать.

Хотя Генриха открыто не выразил своего удивления, как Эрмеделина, он вопросительно посмотрел на любовницу, как бы спрашивая: «Что происходит?»

Женщина, чувствовавшая на себе взгляды обоих, изобразила на лице чрезвычайно покорную и невинную улыбку.

У Вальер были светло-каштановые волосы и такие же обычные светло-карие глаза. На первый взгляд, у неё была невзрачная внешность, которая, казалось, не соответствовала гламурной Эрмеделине. На её лице даже были рассыпаны веснушки.

Однако при ближайшем рассмотрении любой должен был бы признать, что, несмотря на кажущиеся заурядными черты лица, она действительно была довольно красива. Мелкие черты лица аккуратно дополняли её миниатюрное личико, благодаря чему всё в ней выглядело гармонично. Благодаря этому даже веснушки, покрывавшие её лицо, только усиливали очарование молодой женщины.

Вдобавок ко всему, у неё был мечтательный, несколько затуманенный взгляд и сладкий, как мед, голос, что придавало ей ещё больше очарования.

Если Эрмеделина обладала той красотой, которая могла пленить чей угодно взгляд, подобно пышно цветущей розе в ухоженном саду, то Вальер обладала собственным неповторимым шармом.

Любовница императора обладала той красотой, которую можно было случайно встретить в цветке на обочине дороги, но то, как он раскачивался на ветру, было настолько жалким и очаровательным, что привлекло всеобщее внимание. Она обладала тем типом красоты, которому Хе Ен, ныне Эрмеделин, так сильно завидовала в своей прошлой жизни.

«Да, именно так. Мужчины, естественно, предпочитают женщин, которых они чувствуют необходимость защищать».

Вальер отреагировала скромно, предложив использовать бюджет, выделенный императрице, для поддержания её достоинства. Она подчеркнула, что, особенно во времена потрясений, подобных нынешнему положению в стране, для императрицы важнее сохранять своё достоинство.

Генриха не мог не быть очарован скромным поведением возлюбленной.

– Разве это не идеально?

Независимо от того, насколько злой Эрмеделина изображалась как одна из самых порочных женщин среди злодеев, и несмотря на тот факт, что Генриху было суждено быть с Вальер, видеть, как мужчина кивает в знак согласия с позицией своей любовницы в присутствии жены, не кажется нормальным.

Генрих посмотрел на суровое лицо Эрмеделины и удовлетворенно улыбнулся, как будто был готов порадоваться маленькому несчастью своей жены.

«Ух ты, они действительно отличная пара. Жизнь под одной крышей с кем-то, кого ты до такой степени презираешь, должно быть, сопряжена со своими трудностями».

– Достоинство можно адекватно поддерживать с помощью моих собственных ресурсов. Поскольку это выделенный мне бюджет, я буду делать всё, что мне заблагорассудится, – Эрмеделина серьезно посмотрела на Вальер.

– Но... что нам следует делать? – Вальер расправила плечи и слегка наклонила голову, словно пытаясь подавить смех, и посмотрела на Эрмеделина с чувством сожаления. – Разве императрица уже не потратила весь бюджет, выделенный на этот год, в первый день исполнения бюджета? Разве вы не помните?

«О, мне следовало сначала проверить бухгалтерскую книгу».

Это было вполне в духе безнравственной императрицы-злодейки. В конце концов, однажды она прибегла к незаконному производству магических зелий и тайному их распространению из-за нехватки средств в личном бюджете.

Генриха снова с довольной улыбкой наблюдал за взволнованной реакцией Эрмеделины. Конечно, его голубые глаза были полны насмешки.

– Тогда я воспользуюсь своими личными средствами.

Генриха и Вальер не ответили, но выражения их лиц были зеркальным отражением друг друга.

– Вы?

Даже если в это было трудно поверить, они должны были принять это во внимание. Естественно, ей было бы трудно доверять.

Эрмеделина спокойно кивнула головой.

- Да. Отныне я планирую попытаться стать более этичной императрицей.

<http://tl.rulate.ru/book/98602/3350759>